

Дулов А.Н.
«ЗАПИСКИ СТАРИКА» МАКСИМИЛИАНА МАРКСА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВИТЕБСКА

Один из самых колоритных источников личного происхождения XIX в., содержащих описание города Витебск и его жителей, – воспоминания Максимилиана Маркса «Записки старика». Рукописный текст воспоминаний хранится в отделе рукописей Львовской национальной научной библиотеки имени В. Стефаника Национальной академии наук Украины (фонд Оссолинских, № 3454). Написаны они были в 1887–1888 гг. в Енисейске и включают в себя 6 глав: «Витебск с 1821 по 1840 г.», «Смоленск 1841–1860 гг.», «Москва 1861–1864 гг.», «Из Петербурга в Кежму (1866–1867 гг.)», «Кежма», «Енисейск 1869–1888 гг.» [1, с. 153–154]. Источник был выявлен белорусским историком С. Щербаковым еще в 1960 г., и до сего времени поностью не опубликован. Текст первой главы, посвященной Витебску, в 1995–1997 гг. опубликовала в научно-популярном журнале «Віцебскі сшытак» витебский историк и краевед И. Абрамова [6–8]. Тем не менее, на наш взгляд, воспоминания М. Маркса в недостаточной мере используются отечественными исследователями.

Единственная специальная работа, посвященная «Запискам старика» как источнику истории Беларуси, – научно-популярная статья Н. Зайцева и С. Щербакова, увидевшая свет в 1984 г. [3]. Однако текст статьи весьма лаконичен, потенциал источника охарактеризован не в полной мере, содержатся отдельные неточности. Цель нашей работы: раскрыть информационный потенциал воспоминаний М. Маркса как источника по истории города Витебска.

Максимилиан Осипович Маркс (1816–1893 гг.) родился 7(19) октября 1816 г. в семье подпоручика войска Царства Польского в Витебске (по другим сведениям в мест. Дубецк, Галиция) [1, с. 152; 5; 9, стб. 236]. Так или иначе, детские и юношеские годы, а также молодость мемуариста прошли в Витебске. Окончив в 1834 г. Витебскую мужскую Александровскую гимназию, Максимилиан Осипович поступил в Московский университет. Вскоре по состоянию здоровья он был вынужден прервать обучение и вернуться в родной город, затем жил в Смоленске. В 1857 г. М. Маркс экстерном сдал в Московском университете экзамен на звание учителя географии. Преподавал в гимназиях в Смоленске, а затем в Москве, куда переехал с семьей в 1861 г. [1, с. 153].

В Москве М. Маркс сблизился с тайными польскими революционными организациями. По подозрению в связях с участниками восстания 1863–1864 гг. привлекался к следствию, провел около двух месяцев в заключении в Трубечком бастионе Петропавловской крепости. За недостатком улик был освобожден, но находился под негласным надзором полиции. В 1866 г. М. Маркс был арестован по делу Д. Каракозова и предан суду по обвинению в содействии тайному обществу «Организация» и в укрывательстве польских политических преступников. В сентябре 1866 г. будущий мемуарист был осужден Верховным уголовным судом и приговорен к лишению всех прав и ссылке на поселение в Сибирь [9].

Ссылку М. Маркс отбывал сначала в с. Кежма – центре волости Енисейской губернии, затем в Енисейске. Там он увлекся научными исследованиями. Занимался метеорологическими наблюдениями, основал первую в Сибири метеорологическую станцию. Составлял таблицы времени для городов Енисейской губернии. Обнаружил существование космической пыли и доказал ее внеземное происхождение [5; 10, с. 82]. Свои труды печатал в научных изданиях России и зарубежных стран. Являлся членом Русского географического общества (РГТ). За полезные труды по метеорологии и промер р. Енисей был награжден золотой медалью РГТ. Кроме того, изучал быт народов Сибири, стал одним из инициаторов открытия в Енисейске краеведческого музея. В конце 1870-х гг. М. Маркс был восстановлен в правах и освобожден от надзора полиции, получил возможность жить повсеместно за исключением столиц, столичных и Таврической губернии [9, стб. 237]. Но правом выбора места жительства не воспользовался, оставшись в Енисейске. Умер Максимилиан Осипович в 1893 г.

В 1885 г. М. Маркс завершил работу над составлением этнографического описания Витебской губернии (было опубликовано в 1922 г. польским исследователем В. Брухнальским в журнале «Lud») [10, с. 83]. Вскоре ученый пишет мемуары, которые планировались к публикации в журнале «Русская старина». Однако опубликованы воспоминания не были. В 1891 г. автор выслал их вместе с этнографическими материалами своему знакомому, в прошлом повстанцу 1863 г., ху-

дожнику и просветителю Эдварду Павловичу, работавшему тогда в Львовской библиотеке Оссолинских [3, с. 31]. Таким образом «Записки старика» оказались в фондах библиотеки.

Типологически воспоминания М. Маркса относятся к «мемуарам – “современным историям”» [см.: 4, с. 354–357]. Как писал сам мемуарист в завершении первой главы: «Я не писал своей автобиографии, зная, что жизнь моя ни для кого не занимательна, а старался только вычислить те впечатления, которые врезались в моей памяти под влиянием окружающих обстоятельств» [8, с. 147]. Воспоминания написаны на русском языке, которым автор владел как настоящий литератор, с иноязычными вкраплениями, используемыми в качестве художественного средства. Язык источника живой и образный, книжные и разговорные языковые средства переплетаются, присутствуют диалоги, что придает живость изложению. Тон рассказа, главным образом, ироничный, иногда автор прибегает к использованию сатиры и юмора. Язык источника ярко характеризует личность мемуариста, его этические и эстетические воззрения [см.: 1].

Очевидно, взявшись за перо М. Маркса подтолкнуло желание оставить сведения об эпохе, о тех людях, событиях и процессах, свидетелем и очевидцем которых он был. В первой главе «Записок старика» проявилась ностальгия автора по Витебску его юности, стремление сохранить память о нем для будущих поколений: «Где то разнообразие народностей, сословностей, костюмов, разговорной речи – всё теперь смылось, изгладилось и слилось в какое-то безразличное однообразие. <...> Все это прошло, минуло и никогда не возвратится!» [6, с. 74]. Почти дословно последняя фраза рефреном повторяется в конце главы [8, с. 147].

На момент написания воспоминаний М. Маркс находился в пожилом возрасте. Обращаясь к анализу «Записок старика» необходимо помнить, что хотя автор пишет о событиях первой половины XIX в., с того времени прошли десятилетия, наложившие отпечаток на личность мемуариста и его память. Это было очевидно и самому Максимилиану Осиповичу, который писал: «В семьдесят лет в моей памяти накопилось столько и столь разнообразных впечатлений, что теперь, раскапывая весь это хлам, невольно теряюсь и расплываюсь своим я в какой-то бездне. Бездна эта – моё прошлое, и в ней прошедший и ненастоящий я! И этот прошедший я очень мало, а может и несколько не похож на настоящего. Там сперва наивный и резвый ребенок, потом бодрый и пылкий юноша, а тут налицо слабый, дряхлый ворчун-старикашка» [6, с. 74].

«Витебская» глава воспоминаний включает в себя IX частей. В первой дается характеристика социальных и этноконфессиональных групп населения. Во второй автор приводит свои детские впечатления, а также характеризует знаковых личностей города (благотворительницу госпожу Пестель, доктора Гюбенталя, загадочного магистра философии Ив.Ив. Вирло). Третья содержит историю витебских евреев Мордуха и Бини, отправившихся во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в разведку в турецкий лагерь, а также описание набора в рекруты еврейских мальчиков 10–14 лет. Четвертая часть посвящена разбору шляхты и фальсификации документов на шляхетство, в ней Шклов показан как центр контрабанды. В пятой части повествуется о ликвидации в Витебске и околицах унии. В шестой описывается эпидемия холеры и витебский контекст событий, связанных с началом восстания 1830–1831 гг. Седьмая часть включает сведения о пребывании и смерти в городе великого князя Константина Павловича. В восьмой дана характеристика Виленского университета как центра просвещения и социокультурной ситуации на белорусских землях, а также рассказано о столкновении автора с доносчиком в Цареградском трактире. Часть девятая содержит историю морального падения гимназиста Федора Грибачёва и сведения о расследовании по делу тайного общества в Витебской гимназии.

Основными источниками информации для М. Маркса послужили:

1) собственные впечатления от событий и происшествий, непосредственным очевидцем и участником которых был мемуарист:

– детские воспоминания: о трехдневной панихиде по Т. Костюшко, устроенной с разрешения правительства кондитером Чаплинским, бывшим косинером; об «экспериментах» отцов-иезуитов, которыми они удивляли обывателей; о полковом празднике кирасиров или кавалергардов, переведенных за какие-то провинности из Петербурга в Витебск;

– впечатления времен юности и молодости: от личности Ив.Ив. Вирло; рекрутского еврейского набора; покупки контрабандного товара в Шклове; обращения униатов в православие в Лужесно; «чуда» с явлением образа Иосафата Кунцевича на камне в районе Песковатика; от эпидемии холеры в Витебске др.

2) рассказы очевидцев, а также слухи, уличные разговоры, байки: об убийстве помещика грека Зарояни крестьянкой за то, что «попсув всех дзевух и опоганив всех дзецоков (мальчиков)»; о просьбах лакея-арестанта витебского тюремного замка, привыкшего, что помещик его регулярно сечет и страдавшего от недостатка наказаний, о «посекании» в тюрьме; о легендарном помещике Островском; о «героической» гибели полицейского пристава во время дегустации спиртного в погребе иезуитского монастыря; об экстравагантных выходках доктора Гюбенталя и др.).

Конечно, не всегда об источнике информации можно судить со всей определенностью. К тому же, развитые сюжеты включают в себя сведения, полученные из различных источников (о смерти от холеры в Витебске великого князя Константина Павловича; судьбе гимназиста Фёдора Грибачёва). Безусловно, избирательность памяти, а также моральные принципы и общественно-политические взгляды мемуариста наложили отпечаток как на отбор информации, так и на характер приводимых сведений.

Опыт научной деятельности отразился на авторском подходе к изложению материала. В ряде случаев мемуарист формулирует тезис, в доказательство которого приводит в качестве аргумента какой-либо случай, часто анекдотический, а заключает свой рассказ выводом, обычно весьма ироничным. Так, рассказав о смерти с перепою в подвале иезуитского монастыря полицейского пристава, автор заключает: «Должно быть и тогда, как и теперь, умели же люди преспокойно и даже с наслаждением приносить в жертву жизнь, честно и верно исполняя долг своей службы!» [7, с. 88]. Или рассказав о каком-либо казусе, мемуарист приводит собственные рассуждения, как правило, с позиций своих знаний и жизненного опыта. Скажем, сообщив о масонских значках, хранившихся у Ив.Ив. Вирло, опытный конспиратор обмолвился: «При воспоминании об них (масонах – А.Д.) я невольно спрашиваю: какие дети были тогдашние масоны» [7, с. 94]. А сюжет о маневрах, на которых Константин Павлович площадной бранью распекал «толстого майора», завершается ироничными рассуждениями мемуариста о том, где же великий князь мог обогатить свой словарный запас обценной лексикой [8, с. 140].

«Записки старика» содержат характеристики социальных и этноконфессиональных групп населения Витебска и окоелиц, в которых зафиксированы их отличительные черты, авторское отношение, а также стереотипы, характерные для жителей города. Автор пишет о чиновниках, подчеркивая, что высшее чиновничество присылалось из России и долго в Витебске не задерживалось. Особенно колоритно описание мелких чиновников: «Низшая же, писчая тварь, состояла из разного сброду (кроме евреев), и пользовалась очень некрасивою репутациею. Кличка им была «крючки» и не один порядочный человек в самых крайних обстоятельствах не желал поступить писцом ни в полицейское управление, ни в нижний земский суд» [6, с. 74]. Мемуарист характеризует их как «пропойцев и прощелыг», которых начальники заставляли «... работать в канцеляриях под караулом, снимая им сапоги с ног и привязывая за ноги к столам ...», а местные жители частенько поколачивали.

В среде помещиков Маркс условно выделяет две партии: польскую и русскую. При этом он подчеркивает лояльность представителей первой и разнообразную этническую принадлежность представителей второй (великорусы, малороссы, сербы, чехи, немцы, греки), которые, получив земли бывших «королевских и порадзивиловских имений» «... по большей части блистали, как говорится, своим отсутствием, редко навещая свои поместья и останавливаясь в городе только проездом» [6, с. 75].

В сюжете о «проческе дворянства» (разборе шляхты) Маркс дает характеристику мелкой безземельной белорусской шляхты, быт и занятия которой не отличались от крестьянских. «Между собой говорили все они по-белорусски, только каждый хозяин звался пан, хозяйка – пани, сыновья их были паничи, а дочери – паненки» [7, с. 97].

С большим сочувствием пишет мемуарист о крепостных крестьянах, перечисляя их повинности и показывая произвол помещиков. «И бедному крестьянскому люду жутко жилось на свете, совсем для него не белом» – заключает автор воспоминаний [6, с. 75]. В частности, приводится пример полковника Гурко, заведшего в своем имении порядки по образцу военных поселений, что приводило в восхищение соседних помещиков, немало которых сожалели, что не могут сделать того же [6, с. 75].

Характеризуя мещанство, автор отмечает значительно число евреев: от богатых, живших с азиатской роскошью, до бедняков, зарабатывавших мелкой торговлей. Маркс подчеркивает, что в руках евреев находилась виноторговля, а также кратко описывает кагальную систему.

Белорусских мещан-униатов мемуарист описывает как «... народ темный с крайне ограниченным кругозором, послушливый, боязливый, уступчивый, смиренный, суеверный, одним словом, ничем не отличавшийся от сельского своего собрата-мужика» [6, с. 76]. Униатские приходские священники, как городские, так и сельские, по мнению М. Маркса, отличались от простых людей лишь знанием требника и обрядов богослужения. Только монахи-базилиане имели высокий уровень образования. Мемуарист сравнивает униатских священников с приехавшими православными: «Они (униатские священники – А.Д.) довольствовались хижинкою при церкви и небольшим огородишком при хижинке. Не то было с наехавшими из России священниками. Они стали требовать себе руги полей, лугов и приличных, да и со службами еще, домов. Морщились помещики, а должны были удовлетворять их требования» [7, с. 102].

Весьма интересна характеристика старообрядцев-беспоповцев («филипонов», как называли их в Витебске и на землях бывлой Речи Посполитой вообще). Филипоны занимались торговлей и огородничеством. «Почти все они имели собственные свои деревянные домики и огороды, а некоторые владели и каменными лучшими в городе домами. Слава об них шла по городу очень нехорошая, и все прочие жители, без различия народностей и вероисповедания, по возможности чуждались их. Церкви своей они не имели, а священников православных избегали и ненавидели. Темные и невероятные рассказы об них носились по всему городу» [6, с. 76]. М. Маркс приводит три таких истории, отразивших как некоторые реалии, так и этноконфессиональные стереотипы восприятия старообрядцев: о смерти старообрядца старика Кумачёва, от которого, якобы, мог родиться антихрист; о прочитанном живописцем Лоховым письме сына-старообрядца отцу о разбойничьем «лесном промысле» во Владимирской губернии; о «красивенькой филипонке» Маше, игравшей во время праздничных богослужений роль Богородицы [6, с. 76–77].

Присутствует в воспоминаниях М. Маркса и блок информации, характеризующей правительственную политику и общественно-политическую ситуацию на присоединенных к Российской империи землях. Лаконично подчеркивается особый правовой статус Белоруссии (Витебской и Могилевской губернии) и иных присоединенных территорий в период правления Александра I: «Царские указы, Литовский Статут и Магдебургское право, при всем их противоречии, совмещались каким-то чудным образом. Гражданское судопроизводство шло по Литовскому Статуту и Магдебургскому праву, и во втором департаменте (гражданской палате) и в ратуше (думе) говорились адвокатами, при стечении публики, обвинительные и защитительные речи, а в первом департаменте (уголовной палате) все решалось по указам и с глубочайшею канцелярскою тайной, легкомысленное нарушение которой вело виновного прямо на восток, за Уральские горы» [6, с. 74]. Краткая и точная характеристика дана также политике в образовательной сфере [6, с. 74; 7, с. 100, 102].

Автор характеризует влияние восстания 1830–1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси на жизнь Витебска. В связи с восстанием Витебская губерния была переведена на военное положение, через город постоянно проходили войска. Солдаты распевали песни. «Особенно типична была песенка “Идем Польшу разорять”, которая начиная со второго стиха вся состояла из непечатной ругани, хотя в ней было 6 или 7 куплетов по шести стихов. Брань и угрозы панам, паньям, а более всех несчастным паненкам сыпались градом, с посвистом, прицелкиванием и особенным усилением трескучего звука “pp”. Угрозы же, однако, к чести русских солдат, оставались тогда только угрозами...» [8, с. 138]. «В самом Витебске не произошло ничего особенного. Привезли только двух ксендзов и забрали им лбы. ... Да еще прошла чрез город партия ребятишек, набранных в Царстве Польском в кантонисты...» [8, с. 143].

Мемуарист пишет о результатах разбора шляхты, реакцией на который стала подделка документов на шляхетство. В итоге многие потомственные шляхтичи не смогли подтвердить свой дворянский статус из-за отсутствия необходимых документов и были зачислены в однодворцы. «В подмен их многие мещане (Белохи, Бледухи, Гацюки преобразовавшиеся из Силивурок-Чербышевичей и пр.) сделались дворянами *sans геросхе* (франц. безупречными)» [7, с. 97].

Значительное внимание автор уделил показу реализации политики в отношении униатской церкви и реакции населения на эту политику. Мемуарист дал вводную информацию о том, как шло «так называемое добровольное воссоединение унии с православной церковью». Маркс точно подметил, что «... эта добрая воля единичных пастырей никак не была волею всей паствы» [7, с. 99], вспоминая о том, что еще в 1860 г. в Смоленск съезжались для говения великим

постом более 20 униатских священников, административно сосланных в Смоленскую губернию. Как обычно, в доказательство своей правоты мемуарист приводит несколько историй.

Первая – о пьянице Лебедевском, который изъявил желание принять православие (по местному выражению – «перевернуться»), за что получил от протоиерея Иоанна Ремезова авансом пять рублей. На следующее утро Лебедевский явился нетрезвым, перекувыркнулся и сказал: «ну теперь мы квиты», за что был наказан и все-таки вписан «в список сынов церкви» [7, с. 99]. Вторая – о массовом «переворачивании» крестьян в селе Лужосно (совр. Лужесно) недалеко от Витебска, очевидцем которого был автор. Священник завершил свою проповедь на церковнославянском языке фразой: «О вы, агнцы, возвращающиеся на лоно призывающей Вас матери вашей – церкви, идите о десную, вы же, козлища, остающиеся во смрадных гресех своих и во власти сатаны и аггелов его, ступайте о иную». Чиновники и причетники стали разъяснять крестьянам смысл сказанного. «Толпа заволновалась и устремилась сперва кто вправо, кто влево, но вскоре все слева, как отраженная волна, отбросились обратно и устремились за правыми. Налево в незначительном отдалении стояли два воза с розгами, а при них несколько полицейских сотских и десятских с блестящими бляхами на фуражках, а о десную – две бочки утешительнейшей сивухи! Проповедь возымела полный успех, и обращение совершилось мирно и любовно» [7, с. 99–100]. История третья – о встрече мемуариста со старичком-пономарем Святодухова женского униатского монастыря, который горевал о том, что его жена вместе с монахинями и несколькими пожилыми витеблянками, отказалась перейти в православие. За это женщин держали взаперти, увещевали постом. «Каждую пятницу в воспоминание страданий Спасителя их отечески посекали розгочками» [7, с. 100]. Автор делает вывод, что уже в 1835 г. уния в Витебске «... сделалась только преданием».

В этой связи М. Маркс описывает проявление народной религиозности: в 1848 г. на вымытом весенним ручейком на Песковатике камне суеверные местные жители увидели изображение святого и полустертую надпись. Интерес к «чуду» подогревался владельцем корчмы Разуваевка за Песковатиком, помещиком Ленкевичем. Новость распространилась далеко за пределами города, посмотреть на камень приезжали любопытные, особенно дамы. Одна из виленских дам – мадам Мирович, обратилась к автору с просьбой зарисовать лик святого. Но М. Маркс на камне лика не увидел. Возникло две версии: одни считали, что это образ полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича, убитого в 1623 г. витеблянами за насаждение унии, другие – что св. Николай. Споры подвыпивших посетителей Разуваевки однажды переросли в драку. «Произошла настоящая баталия, которую уняла только команда гарнизонных солдат, прибывших из города. Человек с десятков были доставлены в больницу на излечение. Калечества и смертного случая вовсе не было. Поклонников Иосафата, отшлепавши, отпустили по домам. Это было последнее дыхание унии в Витебске», – с характерной иронией отметил М. Маркс [7, с. 101].

Иные направления российской политики намечены лишь пунктиром: назначение на высшие должности русских чиновников, насаждение российского помещичьего землевладения и усиление крепостного гнета, нахождение в городе военного контингента, атмосфера полицейского контроля и доносительства. Разве что рекрутский набор показан довольно подробно.

Мемуары служат источником о социокультурной ситуации первой трети XIX в. в Витебске. Население города было полиэтническим, на его улицах, в домах и салонах звучали разные языки, что стремится передать и Маркс в своих мемуарах, прибегая к иноязычным вкраплениям [1, с. 160–161]. Мемуарист показывает воздействие на местную молодежь идей романтизма, с его вниманием к народной культуре, взаимопроникновение и взаимовлияние польской, белорусской и русской культур. «Мазурки и краковяки сочинялись на польском языке. Вновь же явившиеся русские и даже белорусские песенки (а их было не мало), распевались на готовые уже народные мотивы. Народности мирно сближались. Русские барышни играли на фортепианах краковяки и мазурки, польские панны восхищались «Лучинушкой», любовались «Каринушкой». Солдатских песен только не пел никто, и русская молодежь стыдилась их. Старики, смотря на это, самодовольно улыбаются, морщились, но молчали одни только доробковичи (так называет М. Маркс новых дворян сомнительного происхождения – А.Д.) – им неприятно было сближение с белорусским народом» [8, с. 143].

М. Маркс рисует ужасающую картину эпидемии холеры (1831 г.), сводившей в могилу людей за несколько часов. «Город был разделен на участки, и к каждому участку приставлен один надзиратель и один врач. За пределами города установлены две больницы, а на Песковатике

выкопаны огромнейшие ямы для погребения отдельно христиан, отдельно евреев. По ночам трупы заливались в ямах раствором извести, а по наполнении засыпались землей и обливались тем же раствором. <...> Народ падал на улицах, число умерших в сутки доходило до 120. В каждом участке было по две большие телеги, возившие из домов и улиц больных в лазареты и мёртвых из домов и лазаретов в ямы» [8, с. 137–138]. Не пощадила холера и великого князя Константина Павловича, остановившегося в Витебске по пути в Петербург.

М. Маркс создал яркие портреты жителей Витебска разных сословий, этносов, чинов и званий. На страницах воспоминаний упоминаются как представители знати и высшего чиновничества, так и простые люди («пьяница и прощельга» Лебедевский, его распутная дочь, хромой фактор Янкель). С большой теплотой автор описывает благотворительную деятельность госпожи Пестель. Но наиболее колоритно охарактеризованы доктор Карл Гюбенталь (Гибенталь) и магистр философии Ив.Ив. Вирло.

М. Маркс был не слишком высокого мнения о профессиональных качествах Гюбенталья, деятельности которого, тем не менее, современные историки медицины, в частности, В. Грицкевич, дают положительную оценку [см.: 2]. Вероятно, антипатия мемуариста была вызвана эксцентричным поведением последнего. «Успехи и в служебных и в финансовых отношениях породили в нем тот психологический феномен, который можно назвать самообожанием, а отсутствие нравственных и физических препятствий к дальнейшему развитию этого искривления характера сделали его высокомерным гордецом. Он был вполне уверен, что с одного взгляда узнавал сущность болезни пациента, не спрашивая даже, что тот чувствует, и не прибегая ни к каким научным диагнозам» [7, с. 89]. Гюбенталь прославился своими гипнотическими опытами. «Можно представить, какие иногда из этого выходили курьезы, но они нисколько не подрывали репутацию Гюбенталья, потому что весь почти город видел, как дама высшего аристократического полета и щепетильная щеголиха г-жа Петриковская, в утреннем только пеньюаре и чуть не бегом обошла три раза вокруг ратуши по внушению, сообщенному ей накануне во время магнитного сна» [7, с. 89]. Вошел в историю медицины доктор и своими экспериментами в области трансплантологии: «... то обрежет ноги поросенку и пришьет к нему утиные лапы, то обрубит хвост коту с целью прирастить к нему петушиный гребешок...» [7, с. 90].

Магистр философии Ив.Ив. Вирло, снимавший квартиру по соседству с М. Марксом, характеризуется как личность весьма загадочная: «Он был всегда одет очень прилично, даже щёгольски. Фрак был неизменным его костюмом. Нанимал он квартиру в одну комнату средней величины, мебель имел свою, очень даже шикарную. Выписывал постоянно газеты русские, польские, французские и одну немецкую. Курил дорогие гаванские сигары и постоянно имел у себя сотню, другую рублей на непредвиденные расходы. А между тем не имел никакого постоянного занятия, могущего принести какой-нибудь доход» [7, с. 91]. Вирло оказывал помощь нуждавшимся людям. Он отказывался поступать на службу, как советовал его друг, преподаватель естественной истории Суходольский, считая, что «на службе служить человечеству невозможно». Влюбившись в актрису Августу Кольбе, Вирло буквально преследовал ее с одной просьбой: дать возможность ее созерцать. Выиграв в карты у ремонтера, оказавшегося племянником генерал-губернатора Хованского, и отказавшись вернуть деньги, Вирло был сослан в Вяземскую губернию, откуда прислал Хованскому «в знак признательности» целый пуд цукатных пряников с надписью «сия ковришка вяземская есть». Вскоре по возвращении в Витебск Вирло был найден под стоящими у городской площади яслями для кормления лошадей извозчиков искалеченным, с вырванным языком и переломанными руками и ногами. Он умер в тот же день. Тайна Вирло открылась М. Марксу, когда он увидел масонские значки [7, с. 93].

Таким образом, содержание «витебской» главы воспоминаний М. Маркса многопланово и разнообразно. Автор был, несомненно интеллектуалом, человеком наблюдательным и остроумным, обладал образным мышлением, хорошей памятью и даром литератора. Не случайно ученые определили его воспоминания как «гистарычныя замалёўкі» [3, с. 31]. С помощью лингвистических средств и литературных приемов автору удалось сделать, казалось бы, фрагментарные зарисовки памятной ему действительности, которые, однако, позволяют воссоздать довольно полную картину жизни Витебска в 1820–1840-х гг.

Воспоминания М. Маркса являются ценным источником сведений о социальной структуре общества, этноконфессиональных группах населения Витебска и стереотипах их восприятия, реализации правительственной политики и реакции на неё местных жителей, конфессиональ-

ных процессах, социокультурном развитии, повседневности. Материал «Записок старика» может быть использован как в локально- и микроисторических исследованиях, так и в обобщающих работах по истории Беларуси.

1. Горнак, В.В. Витеблянин М. Маркс и его «Записки старика» // В.В. Горнак // Белорусское Поозерье: язык и духовная культура / под ред. А.М. Мезенко и А.В. Русецкого. – Минск: Беларус. наука, 2001. – С. 152–164.
2. Грыцкевіч, В. Урач Карл Гібенталь / В. Грыцкевіч // Віцебскі сшытак. – Віцебск, 1997. – № 3. – С. 3–16.
3. Зайцаў, М. Гістарычныя замалёўкі вяцябчаніна / М. Зайцаў, С. Шчарбакоў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1984. – № 3. – С. 31–32.
4. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская ; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
5. Кісялёў, Г. Маркс Максімілян Восіпавіч / Г. Кісялёў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 5. М – Пуд / Беларус. Энцыкл., рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 77.
6. Маркс, М. Записки старика / М. Маркс / текст к печати подготовила И. Абрамова // Віцебскі сшытак – Віцебск, 1995. – № 1. – С. 74–77.
7. Маркс, М. Записки старика / М. Маркс / текст к печати подготовила И. Абрамова // Віцебскі сшытак – Віцебск, 1996. – № 2. – С. 87–102.
8. Маркс, М. Записки старика / М. Маркс / текст к печати подготовила И. Абрамова // Віцебскі сшытак – Віцебск, 1997. – № 3. – С. 137–147.
9. Маркс, Максимилиан Осипович // Деятели революционного движения в России: био-библиографический словарь. – Т. 1. От предшественников декабристов до конца «Народной воли». – Ч. 2. Шестидесятые годы / сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. – М.: [Б.и.], 1928. – Стб. 236–237.
10. Півавар, М. В. Маркс Максімілян Восіпавіч / М. В. Півавар // Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г.: даведнік / М. В. Півавар. – Віцебск: Віцеб. абл. друк., 2006. – С. 82–83.

Луговцова С.Л. ВИТЕБСК И ЕГО ЖИТЕЛИ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ Ф.В. БУЛГАРИНА

На рубеже XX–XXI вв. в литературоведении и историографии произошел всплеск интереса к неординарной личности Ф.В. Булгарина (1789–1859) – острого публициста, успешного издателя и многопланового литератора [1; 2; 5; 7; 8]. Булгарин раскрылся в качестве автора авантюрного и исторического романа, смелого мемуариста, яркого писателя-фантаста. Фаддей Венедиктович предсказал, в частности, появление подводных лодок, парашюта, воздушных десантников, пассажирского авиасообщения, зенитных ракет, домов из стекла, множительной техники [3]. Интерес исследователей к личности и деятельности Ф.В. Булгарина определил появление специального термина «булгариноведение» [9]. А личность эта была весьма незаурядной. Булгарин был талантлив, смел, независим, но при этом резок и самолюбив. Он обладал прекрасным навыком подстраиваться под обстоятельства и одновременно подстраивать их под себя. Несомненный успех редактора «Северной пчелы» сочетался со скандальной славой доносчика III-го Отделения. Своей жизнью Фаддей Венедиктович дал высокий образец мужской дружбы, сохранив преданность товарищу даже после его смерти. На протяжении десятков (!) лет Булгарин столь часто цитировал «Горе от ума» А.С. Грибоедова, что буквально «заставил» публику полюбить автора пьесы, исключив саму возможность существования в российском обществе образованного человека без знания грибоедовских строк. Вместе с тем, Булгарин нажил такое количество врагов, что по этому «показателю», возможно, лидировал среди современников. Его любили и ненавидели, ценили и презирали. Им откровенно брезговали. При жизни, да и после смерти, Фаддей Венедиктович вызывал самые противоречивые эмоции, никого не оставляя равнодушным. Тем интереснее анализировать суждения, высказанные им в «Путевых заметках на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весной 1835 года» [4]. По дороге из Дерпта в Мстиславль автор заметок последовательно описывает Верро, крепость Нейгаузен, Печоры, Изборск, Псков, Остров, Люцин, Себеж, Полоцк, Витебск, Бабиновичи, Оршу, Шклов, Могилев, Чериков, Чаусы, Климовичи, Костюковичи, Кричев и Мстиславль.

Прежде всего, Ф.В. Булгарин очерчивает территорию, которая по его мнению является Беларусью: «Между Курляндией, Лифляндией, губерниями Псковской, Смоленской, Орловской, Черниговской и Минской лежит страна, называемая издавеле у русских *Белою Россиею* (здесь и далее выделение Булгарина – С.Л.), или Белоруссиею, а у поляков *Русью*» [4, с. 193]. Таким образом, к «Белоруссии» автор относит только Витебскую и Могилевскую губернии, четко фиксируя представления своего времени.

По мнению, Ф.В. Булгарина Витебская губерния «есть бедная красавица», на её территории «природа рассыпала более приятного, нежели полезного» [4, с. 194]. На фоне роскошной при-